(cc) BY-SA

оригинальная статья / original paper
специальность: 5.5.4
EDN: PDJUZG

Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ

Суточкин Р. С.
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: ars.shamsh@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-8866-6076

РЕФЕРАТ

В условиях роста числа региональных и глобальных вызовов и угроз (украинский кризис, палестино-израильский конфликт, нестабильная социально-политическая обстановка в Афганистане, обострение трансграничной террористической опасности и т. п.) набирает обороты внешнеполитическая активность Республики Казахстан. В унисон доктринальным принципам, изложенным в Стратегии «Казахстан-2050» и Концепции внешней политики республики 2020 г., ускорилась кристаллизация конкретных закономерностей поведения Казахстана в отношении других стран и многосторонних объединений: проактивность, прагматизм и многовекторность. Поэтому интерес к изучению внешней политики Республики Казахстан в последнее время стремительно возрастает. Внимания при этом заслуживают не только политико-дипломатические усилия, но и их смысловое содержание, отраженное в документах стратегического планирования, определяющих траекторию развития отношений Астаны с субъектами мировой политики. Проактивную приверженность этого государства нормам международного права и институционализации многостороннего сотрудничества в условиях роста геополитической напряженности подтверждает и тот факт, что в 2024 г. Казахстан председательствовал в рекордном количестве международных организаций, таких как ОДКБ, ШОС, СВМДА, МФСА, ИОПБ, ОТГ. Однако в статье объектами исследования станут СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, что обусловлено их стержневым значением в реализации выдвинутого Россией в 2015 г. проекта «Большое Евразийское партнерство». **Цель и задачи.** В рамках статьи предпринимается попытка проанализировать роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана в контексте деятельности этой страны в ЕАЭС, СНГ и ОДКБ, рассмотреть основные принципы формирования Большой Евразии, определить закономерности и траекторию современной внешней политики Казахстана в этом направлении, оценить подходы республики к интеграции в рамках ЕАЭС, ОДКБ и СНГ через призму Большого Евразийского партнерства. **Методология.** Применены эмпирический и теоретико-аналитический методы анализа. **Результаты.** Установлено, что деятельность Казахстана внутри указанных объединений опирается на его самовосприятие в качестве субрегиональной средней державы, а также на стремление получить максимальную выгоду от евразийской интеграции. **Выводы.** Для Казахстана проект «Большое Евразийское партнерство» является ключевым ориентиром в формировании общеконтинентальной сети взаимовыгодных интеграционных форматов, в том числе ЕАЭС, СНГ, ОДКБ.

Ключевые слова: Россия, Астана, Большая Евразия, «средняя держава», Центральная Азия, евразийская интеграция

Для цитирования: Суточкин Р. С. Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 129–138. EDN: PDJUZG

The Role of the Greater Eurasian Partnership Project in Kazakhstan's Politics through the Prism of Its Participation in the CIS, EAEU and CSTO

Ruslan S. Sutochkin
Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
e-mail: ars.shamsh@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-8866-6076

ABSTRACT
Amid the increasing number of regional and global challenges and threats (Ukrainian crisis, Palestinian-Israeli conflict, unstable socio-political situation in Afghanistan, escalating cross-border terrorist dangers, etc.), the foreign policy of the Republic of Kazakhstan (RK) is gaining momentum. In consonance with the doctrinal principles outlined in the Strategy "Kazakhstan-2050" and the Concept of the RK foreign policy in 2020, the finalization of specific patterns of Kazakhstan's attitude towards other countries and multilateral associations has accelerated: proactivity, pragmatism and multi-vectorism. Therefore, interest in the study of Kazakhstan's foreign policy has been growing rapidly recently. Not only does the practical side of Kazakhstan's political and diplomatic efforts deserve attention, but also their semantic content represented in modern Kazakhstani strategic planning documents defining the trajectory of relations between Kazakhstan and other world politics actors should be examined. Kazakhstan's proactive commitment to the international law and institutionalization of multilateral cooperation under rising geopolitical tensions is also confirmed by the fact that in 2024 Kazakhstan chaired a record number of international organizations, such as the OTS, SCO, CICA, CSTO, IOFS, IFAS. However, the CIS, the CSTO and the EAEU will be scrutinized in this article, which is due to their pivotal role in the implementation of the Greater Eurasian Partnership (GEP) project put forward by Russia in 2015. **Aim and tasks.** The article attempts to analyze the role of the Greater Eurasian Partnership project in Kazakhstan's politics in the context of this country's activities in the EAEU, the CIS and the CSTO. To study the basic principles of the formation of the Greater Eurasia, to determine the regularities and trajectory of Kazakhstan's modern foreign policy, to assess Kazakhstani approaches to integration within the EAEU, CSTO and CIS from the perspective of the Greater Eurasian Partnership. **Methods.** empirical, theoretical and analytical methods were applied. **Results.** It was discovered that Kazakhstan's activities within the mentioned associations are based on its self-perception as a sub-regional middle power, along with its desire to get the most out of Eurasian integration. **Conclusion.** For Kazakhstan, the BEP project is a key guideline in the formation of a continent-wide network of mutually beneficial integration formats, including the EAEU, the CIS, and the CSTO.
Keywords: Russia, Astana, Big Eurasia, "middle power", Central Asia, Eurasian integration
For citation: Sutochkin R. S. The Role of the Greater Eurasian Partnership Project in Kazakhstan's Politics through the Prism of Its Participation in the CIS, EAEU and CSTO // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 129–138 (In Russ.). EDN: PDJUZG

Введение

Проект «Большое Евразийское партнерство» (далее — БЕП) в 2015 г. представил Президент России В. В. Путин, предложивший сформировать обширный интеграционный контур в Евразии на принципах равноправного и взаимовыгодного экономического сотрудничества с учетом рыночных, технологических и производственных особенностей стран региона. Кроме того, ставится задача гармонизации подходов евразийских государств вокруг значимых для них вопросов безопасности [8, с. 179], а также гуманитарных и социально-культурных связей.

Положительное отношение к БЕП Президент Республики Казахстан (далее — РК) К. К. Токаев озвучил еще в 2022 г. на Петербургском международном экономическом форуме[1]. Причем основой этого проекта, по его словам, призвано стать СНГ.

Материалы и методы

Поскольку в работе применяется эмпирический метод анализа роли БЕП для Казахстана через исследование мотивов заинтересованности этой республики в интеграции в рамках СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, при подготовке статьи автором изучены коммюнике, заявления, интервью и стенограммы выступлений официальных лиц РК, руководства соответствующих многосторонних объединений, а также торговые и инвестиционные показатели их стран-участниц. Задействованный теоретико-аналитический метод опирается на системный, структурно-функциональный анализ, а также ретроспективный подход к оценке внешней политики Казахстана. В целях определения нынешнего положения Астаны в международных отношениях и роли ОДКБ, ЕАЭС и СНГ в ее политике использована совокупность теоретических приемов, предназначенных для выявления государств «среднего уровня»: позиционный, бихевиористский (поведенческий), конструктивистский и субъектный подходы. Уместным при исследовании поведения РК внутри межгосударственных объединений было применение теории функционализма Д. Митрани, которая предоставила возможность проследить эволюцию интеграции Астаны в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС и прояснила пути дальнейшего развития общеевразийского формата. Исторический метод заключался в детальном рассмотрении приоритетов и политики республики в ходе председательств в указанных организациях.

Результаты

Проект «Большое Евразийское партнерство»

Евразийское пространство предусматривает создание и модернизацию логистической инфраструктуры для обеспечения бесперебойного движения капиталов, товаров и услуг между европейскими и азиатскими странами. В этой связи «несущими опорами» БЕП признаются Международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг», предполагающий развитие торгово-хозяйственной кооперации на линии Севера и Юга, а также китайская инфраструктурная инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП), нацеленная на возведение трансъевразийских экономических коридоров между Востоком и Западом, в том числе при подключении логистических возможностей России и ее партнеров по ЕАЭС и СНГ.

Наличие у Москвы экономикоцентричного видения БЕП отражено в заявлении российского МИДа от 15 июня 2023 г. Указывается, что ядро Большой Евразии могут составить такие «дополняющие форматы», как МТК «Север — Юг» и китайский проект ОПОП [6, с. 71]. Кроме того, в документе задается ряд магистральных треков развития евразийского пространства: сеть межгосударственных инвестиционных и торговых соглашений, транспортная и экономическая взаимосвязанность, финансовое, энергетическое и цифровое измерения.

Идеологически концепция Большой Евразии позиционируется в увязке с европейскими странами, охватывается пространство от Шанхая до Лиссабона[2]. Установка на изоляцию от Запада отсутствует. Российским руководством подчеркивается заинтересованность в модернизации подходов к кооперации с ЕС на основе принципов равноправия и взаимной выгоды, к включению взаимодействия по линии ЕАЭС — ЕС в контур евразийского регионализма. Наметившийся в 2022 г. разворот в российской внешней политике также не изменил видения БЕП как платформы для экономического взаимодействия в широком географическом пространстве Европы и Азии. Скорее наоборот, геополитическая конфронтация

[1] Токаев: Казахстан положительно относится к созданию Большого Евразийского партнерства [Электронный ресурс] // ТАСС. 17.06.2022. URL: https://tass.ru/ekonomika/14954993 (дата обращения: 29.10.2025).

[2] K. M. Barsky: Chapter 23. Greater Eurasian Partnership: Security Threats and Optimal Responses [Электронный ресурс] // ПИР-Центр. 15.04.2024. URL: https://pircenter.org/en/editions/security-index-yearbook-chapter-23-third-decade-of-the-21st-century-promises-to-be-very-turbulent-on-a-new-global-order-and-its-nuclear-dimension/ (дата обращения: 29.10.2025).

ускорила кристаллизацию данной концепции. В мае 2022 г. Президент России отметил, что БЕП должно изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом безопасности и процветания на всем континенте с учетом многообразия моделей развития всех народов[1].

Анализ базовых принципов внешней политики Казахстана

При документальном анализе внешних ориентиров РК рельефно выделяется попытка Акорды[2] вписать «среднедержавные» и свои лидерские штрихи в субрегиональный геополитический дискурс. В Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг. признается статус Казахстана как «среднего регионального государства»[3]. В отношении состояния современной системы международных отношений в доктрине акцентируется ее высококонкурентный характер. В этих условиях, как подчеркивается авторами Концепции, Казахстану важно позиционировать себя ответственным и активным участником международного развития, использовать в полной мере весь свой внешнеполитический потенциал в области экономической и культурно-гуманитарной дипломатии, охраны окружающей среды, поддержания региональной и глобальной безопасности.

Из вышеприведенного анализа Концепции видно, что Казахстан уравнивает термины «средняя держава» и «ведущее региональное государство». В этой связи можно предположить; что Астана использует «среднедержавный» образ для упрочения своих субрегиональных позиций, действуя в соответствии с утверждением, что «средняя держава — это роль в поисках актера» [11, с. 827]. То есть статус державы «среднего уровня» является лишь ролью, которую в зависимости от конъюнктуры в мировой политике «примеривают» на себя государства и действуют согласно определенному сценарию. Для РК один из таких сценариев — активное участие в процессе евразийской интеграции. «Средней державой» Казахстан называет президент республики в своей концептуальной статье, вышедшей в мае 2024 г. на сайте Euronews[4]. К. К. Токаев не просто обосновывает этот статус РК, а подчеркивает его решающую роль в формировании и дальнейшем сохранении многостороннего мирового порядка.

Политика Казахстана в рамках ОДКБ, ЕАЭС и СНГ

Исходя из предположения, что Казахстан является субрегиональной «средней державой», рассмотрим поведение этой страны в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС с проекцией на БЕП. Для определения места этих объединений во внешнеполитических приоритетах РК следует изучить поведение Астаны в периоды ее председательств в разные годы.

В 2015 г. Казахстан сосредоточился на выстраивании равноправного и добрососедского партнерства государств — участников СНГ «в целях придания поступательной динамики развитию Содружества, обеспечения роста благосостояния народов государств-участников»[5]. Вместе с тем, несмотря на демонстрируемую приверженность общим целям, в своих приоритетах на период «шефства» в объединении РК настойчиво продвигала тезис о наличии у нее значительного транзитного потенциала, раскрытие которого в рамках СНГ, по замечанию руководства республики, должно способствовать росту взаимной торговли государств-участников. Казахстан видел в председательстве подспорье для реализации своих экономических приоритетов. Это также угадывается в призывах Астаны к активизации усилий стран-участниц по запуску международного автомобильного коридора «Западная Европа — Западный Китай» в рамках инициативы Пекина ОПОП.

В тот год РК также была сфокусирована на интенсификации экономической интеграции стран Содружества и работала над принятием Плана мероприятий по реализации третьего этапа (2016–2020 гг.)

---

[1] Первый Евразийский экономический форум [Электронный ресурс] // Президент России. 26.05.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/68484 (дата обращения: 29.10.2025).

[2] Акорда — резиденция президента Республики Казахстан. Является штаб-квартирой Администрации Президента Казахстана.

[3] О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы [Электронный ресурс] // Сайт Акорды. 09.03.2020. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 29.10.2025).

[4] Middle powers have the power to save multilateralism 28.05.2024 [Электронный ресурс] // Euronews. URL: https://www.euronews.com/2024/05/28/middle-powers-have-the-power-to-save-multilateralism (дата обращения: 29.10.2025).

[5] Концепция председательства Республики Казахстан в Содружестве Независимых Государств в 2015 году [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. 2015. URL: https://e-cis.info/page/3625/81009/ (дата обращения: 29.10.2025).

Стратегии экономического развития СНГ. Кроме того, за время своего председательства Казахстан провел ряд значимых с точки зрения продвижения торговой, промышленной и деловой кооперации заседаний Совета по промышленной политике государств — участников СНГ, Электроэнергетического Совета СНГ и Комиссии государств — участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях. Значимости данному направлению кооперации участников объединения придало создание в январе 2015 г. ЕАЭС. На Казахстан, в том числе как на государство — инициатора евразийской интеграции, легла основная ответственность по приведению разработанных в рамках СНГ проектов правовых актов в соответствие с правом Союза. Именно в 2015 г. из уст первого президента РК Н. А. Назарбаева прозвучали призывы к более тесному взаимодействию ЕАЭС и ШОС, а также по проекту «Экономический пояс Шелкового пути»[1].

Содержательная «вахта» Казахстана в СНГ в 2015 г. придала импульс выдвинутой Россией в этом же году инициативе БЕП. Несмотря на явное стремление РК повысить при помощи Содружества собственный логистический потенциал, международный статус (за счет антиядерных инициатив) и инвестиционную привлекательность, прослеживаемое совпадение интересов Москвы и Астаны по увязке своих региональных экономических и геополитических инициатив с интеграционными проектами на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС и ШОС) сформировало широкий каркас будущего контура Большой Евразии.

К. К. Токаев по итогам казахстанского председательства в Содружестве подчеркнул вклад республики в реализацию задач Стратегии экономического развития СНГ до 2030 г. Наряду с этим он акцентировал казахстанские усилия по устранению барьеров в межрегиональной торговле, обернув этот очевидно экономический интерес в оболочку гуманитарных устремлений Астаны по обеспечению глобальной продовольственной безопасности. В продолжение этой мысли президент РК указал на приоритетное место МТК «Север — Юг» в целеполагании данного объединения[2].

Под председательством Казахстана в 2022 г. была принята Программа сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2023–2025 гг., а также начата подготовка документов по созданию институтов наблюдения при СНГ и статуса «партнера» Содружества. Инициативы Акорды по расширению взаимодействия с внешними игроками вписываются в традиционную приверженность Казахстана достижению более весомых политических позиций на глобальной арене. К тому же таким образом Казахстану было бы проще добиваться признания своих международных инициатив (создание Регионального центра ООН по целям устойчивого развития для Центральной Азии и Афганистана, повышения статуса Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), продвижение нужных резолюций в Генассамблее ООН и т. п.).

Подтверждением последовательности шагов Казахстана по консолидации экономического аспекта интеграции СНГ стала озвученная К. К. Токаевым на заседании Совета глав государств СНГ в октябре 2024 г. инициатива по созданию формата СНГ+ и проведению «Ярмарки Содружества», суть которой, по словам казахстанского лидера, заключается в организации торговых выставок на пространстве объединения «с приглашением ремесленников и аграриев всего Евразийского региона». Тут президент РК подчеркивает необходимость расширения торгово-экономического фокуса СНГ на всю Евразию, что совпадает с планами формирования БЕП. К тому же в своем выступлении он сделал упор на усиление взаимодействия в промышленности, таможенном регулировании, формировании новых логистических цепочек, цифровизации[3].

---

[1] Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на VIII Астанинском экономическом форуме [Электронный ресурс] // Сайт Акорды. 22.05.2015. URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nnazarbaeva-na-viii-astaninskom-ekonomicheskom-forume (дата обращения: 29.10.2025).

[2] Токаев принял участие в неформальной встрече глав государств СНГ [Электронный ресурс] // Газета «Казахстанская правда». 07.10.2022. URL: https://kazpravda.kz/n/tokaev-prinyal-uchastie-v-neformalnoy-vstreche-glav-gosudarstv-sng/?ysclid=m8crnfwm36129819916 (дата обращения: 29.10.2025).

[3] Токаев предложил странам СНГ запустить программу «Ярмарка Содружества» [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 08.10.2024. URL: https://www.zakon.kz/politika/6451632-tokaev-predlozhil-stranam-sng-zapustit-programmu-yarmarka-sodruzhestva.html (дата обращения: 29.10.2025).

Естественным базисом экономической составляющей евразийского партнерства является архитектура континентальной безопасности. Признавая высокое значение сферы военно-политического многостороннего сотрудничества, Казахстан уделяет особое внимание кооперации в рамках ОДКБ. При этом Астана является одной из наиболее инициативных государств — членов организации. В Военной доктрине РК 2017 г. в вопросах военного международного значения приоритетное место отведено именно этому объединению, в котором республика преследует задачи поэтапной технической модернизации своих войск, повышения боеспособности личного состава армии и модификации вооружения[1]. Республика внесла весомый вклад в создание и развитие Коллективных сил оперативного реагирования, принятие Антинаркотической стратегии государств — членов ОДКБ на 2015–2020 гг. и формирование Коллективных авиационных сил.

В условиях сложной обстановки вблизи южных границ Центральной Азии Астана видит в ОДКБ эффективный институт для противодействия террористической угрозе. В этой связи в 2016 г. на площадке ГА ООН реализована инициатива РК о принятии универсального кодекса поведения по достижению мира, свободного от терроризма (поддержали более 70 государств).

В 2024 г. приоритеты председательства РК в ОДКБ несколько трансформировались, приобретя в большей степени именно антитеррористическую направленность. Повышенное внимание Астаны к кооперации в сфере безопасности продиктовано, как представляется, опасениями казахстанских властей перед активизацией терактов в стране. Так, например, январские события 2022 г. К. К. Токаев назвал «террористической атакой, направленной на подрыв государственного строя»[2]. Очевидна заинтересованность Казахстана как «средней державы» в солидарном подходе к противодействию международному терроризму и религиозному радикализму, что стало одним из факторов, повлиявших на одобрение Астаной на заседании Совета министров иностранных дел (СМИД) Организации в Алматы в июне 2024 г. проекта решения «О целевой межгосударственной программе ОДКБ по укреплению таджикско-афганской границы».

Хотя публично на высшем уровне вопрос построения на базе БЕП архитектуры континентальной безопасности не провозглашается, в описании проекта этот аспект пунктирно все же вырисовывается, однако в качестве дополняющего экономическое измерение элемента. Разумеется, что для обеспечения устойчивого функционирования торговых транспортных маршрутов необходимы механизмы противодействия миграционным кризисам, предупреждению международного терроризма и религиозного экстремизма. В этой связи неотъемлемой частью Большой Евразии становятся Антитеррористический центр государств — участников СНГ и Секретариат ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму. Деятельное участие РК в формировании этих структур указывает на то, что логика формирования БЕП гармонично вписывается в установки Казахстана по стимулированию интеграции в рамках ОДКБ.

Ввиду значительной экономической «начинки» БЕП, центром притяжения евразийской интеграции в том числе воспринимается ЕАЭС. В основу концепции данного объединения заложены принципы равноправия, консенсуса и взаимной выгоды. Такой демократичный характер Союза является благодатной почвой для расширения и углубления пространства Большой Евразии.

Для Казахстана ЕАЭС является важнейшим вектором внешнеэкономической деятельности, который позволяет в полной мере раскрыть хозяйственный потенциал благодаря свободному обмену товарами, капиталом, рабочей силой и услугами с соседними странами. Товарооборот РК с партнерами за 10 лет существования этой группировки вырос на 60%. Сейчас доля ЕАЭС в общей торговле Казахстана составляет более 20%.

Касательно политики Казахстана в отношении ЕАЭС нельзя не отметить его сосредоточенность в большей степени на созвучных интересам республики экономических вопросах развития интеграции.

---

[1] Военная доктрина Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Сайт Акорды. 2017. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/voennuyu-doktrinu-respubliki-kazahstan (дата обращения: 29.10.2025).

[2] Токаев о январских событиях: Мы настаиваем, что это была террористическая атака [Электронный ресурс] // КазТАГ. 13.10.2023. URL: https://kaztag.kz/ru/news/tokaev-o-yanvarskikh-sobytiyakh-my-nastaivaem-chto-eto-byla-terroristicheskaya-ataka (дата обращения: 29.10.2025).

Так, РК не скрывает своего интереса в устранении таможенных пошлин для повышения конкурентоспособности казахстанской продукции, получении доступа к газотранспортной инфраструктуре государств-партнеров и активизации международных торговых контактов объединения.

Усилия ЕАЭС по расширению торговых связей с другими субъектами мировой политики отвечают желаниям Астаны повысить свою роль на континенте. Ввиду наличия тесных экономических связей Казахстана с Китаем (основной торговый партнер — в 2024 г. товарооборот составил 30 млрд долл.) республика заинтересована в сближении объединения с этой страной и его сопряжении с проектами Поднебесной.

По утверждению ряда исследователей, перспективы Союза, развивающегося в соответствии с замыслом БЕП, будут естественно соприкасаться с китайскими общеконтинентальными инициативами. Исходя из вышеупомянутых казахстанских внешнеполитических приоритетов, Астана отдает предпочтение этому сценарию расширения ЕАЭС. Как указывает академик РАН С. Ю. Глазьев, «ЕАЭС строится на принципах Большого Евразийского партнерства и может предлагать разнообразные формы сотрудничества различным странам. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП может рассматриваться как основа формирования Большого Евразийского партнерства» [2, с. 17]. При этом нельзя забывать и о рисках для РК от чрезмерного усиления экономического влияния Китая, который мог бы полностью вытеснить местный казахстанский бизнес с республиканского рынка. Отсюда следует, что участие в ЕАЭС и тесное сотрудничество с Москвой позволит Астане сохранить баланс в отношениях с крупными партнерами в Большой Евразии [3, с. 52].

В связи с континентальной закрытостью республики значимым системным фактором роста экономики Казахстана и расширения ее профиля является снижение логистических издержек. ЕАЭС, в частности, помогает решить задачу установления единых транспортных тарифов на центральноазиатском пространстве. Наряду с этим союзные договоренности о доступе к инфраструктуре и внутригосударственным тарифам стран-партнеров на перевозку грузов позволяют казахстанскому бизнесу сократить логистические расходы. Соответственно, повышается конкурентоспособность казахстанской продукции на зарубежных рынках.

Внутри ЕАЭС явственно проявляются «среднедержавные» черты политики Казахстана, который ориентирует свою дипломатию на минимизацию внутриорганизационных конфликтов. Как отмечает канадский исследователь Э. Купер, «средние державы» склонны выполнять роль катализаторов и медиаторов в международных отношениях [10, с. 232]. Ярким примером такого подхода могут служить посреднические действия РК в ходе так называемого «молочного конфликта» между Россией и Белоруссией в 2020 г., когда для защиты своих производителей Москва начала применять протекционистские меры против Минска вразрез принципам общего рынка. Конфликт возник на фоне того, что Беларусь значительно зависит от экспорта молочной продукции в Россию (доля белорусской молочной продукции на российском рынке может достигать 80 %), а Москва, ссылаясь на вопросы безопасности и соблюдения технических стандартов, начала применять меры, ограничивающие свободное перемещение этой продукции внутри ЕАЭС. В результате благодаря предложенному Астаной компромиссу удалось урегулировать разногласия: вместо отраслевого запрета Россия согласилась ограничить поставки только с конкретных предприятий, не соответствующих необходимым требованиям, тем самым сохранив общий режим свободного обращения белорусской молочной продукции между государствами — членами объединения.

Инвестиционный угол ЕАЭС также имеет весомое значение для Казахстана. Высшим Евразийским экономическим советом определено, что углубление интеграции в рамках Союза способствует привлечению внерегиональных прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые к 2030 г., по оценкам этой структуры, могут достичь 90 млрд долл. США [4, с. 49]. При этом акцент делается на инвестициях самих государств — членов объединения. Основным инвестором внутри ЕАЭС является Россия, за ней следует Казахстан, Беларусь и Армения. Однако ввиду схожести РФ и РК с точки зрения обеспеченности ресурсами, уровня образования и дохода на душу населения, мотивов для взаимных ПИИ у этих стран относительно немного. В этой связи площадка ЕАЭС привлекательна для РК как инструмент

привлечения инвестиций из третьих евразийских стран. С учетом этой заинтересованности Астана могла бы стать одним из двигателей совершенствования инвестиционного аспекта Союза, продвигая сотрудничество в области унификации положений о защите инвестиций, предоставления внешним инвесторам общих для ЕАЭС преференций и т. д.

Обсуждение

Казахстан, исходя из рассмотренных в исследовании приоритетов его председательства в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, осторожно внедряет интеграционные инициативы, избегая форсированного расширения кооперации в политической области, которая, по сути, не является центральной в процессе формирования Большой Евразии. Просматривается попытка руководства республики осуществить сопряжение своих национальных интересов со структурными региональными форматами, в том числе с СНГ, ЕАЭС и ОДКБ. А поскольку замыслом этого проекта является гармонизация региональных экономических объединений на универсальных принципах международной торговли [5, с. 69], Астану можно рассматривать в качестве одного из наиболее последовательных сторонников воплощения идеи БЕП. Кроме того, республика, отводя себе функции субрегионального актора, наиболее активно в Центральной Азии участвуя в ОДКБ, ЕАЭС и СНГ и стремясь диверсифицировать инвестиционные потоки в этот субрегион, может стать основным проводником интересов центральноазиатских стран при сопряжении упомянутых интеграционных объединений с ШОС, АСЕАН и другими многосторонними структурами Евразии.

В политическом плане РК также предстает гармоничным звеном рассматриваемых евразийских интеграционных процессов. Стремление республики найти точки соприкосновения со всеми векторами силы в условиях геополитического противостояния отвечает установке БЕП на вовлечение европейских государств в экономический каркас этого проекта. В вопросе сотрудничества интеграционных структур Европы и Азии «среднедержавный» нарратив Астаны также созвучен постулатам евразийского партнерства, поскольку, по мнению американского политолога Р. Кохейна, «средние державы» демонстрируют свою приверженность субрегиональным и региональным интеграционным процессам. Лидеры таких государств признают неспособность их стран достигать своих внешнеполитических целей в одиночку [13, с. 296]. А согласно утверждению исследователя Р. Хиггота, «средние державы» склонны к нейтральной роли в мировой политике, добросовестному соблюдению международного права и многостороннему подходу к решению глобальных проблем [12, с. 31]. Такой подход гармонирует с неконфронтационным характером БЕП.

Заключение

Формирование пространства Большой Евразии немыслимо без достижения внутренней целостности, подразумевающей совпадение интересов всех акторов, вовлеченных в этот процесс. Именно консенсусный характер этого проекта является основным залогом успеха его реализации. Для нахождения общего знаменателя важно анализировать подходы евразийских государств к идее БЕП, оценивать уровень их вовлеченности в интеграционные потоки в Евразии. Казахстан с его проактивной политикой и претензией на лидерство в центральноазиатском масштабе заслуживает особого внимания.

Произведенный разбор подходов РК к СНГ, ЕАЭС и ОДКБ в целом позволяет утверждать, что эта страна стремится к созданию обширных, прежде всего, экономических связей на евразийском пространстве за счет потенциала данных объединений. В случае с ЕАЭС и СНГ Астана решает свои хозяйственные и транспортно-логистические вопросы, а также повышает свою инвестиционную привлекательность. ОДКБ же позволяет Казахстану путем коллективных усилий купировать угрозы безопасности. Такое деятельное участие этой страны в региональных центростремительных процессах укладывается в логику

БЕП, предполагающего создание единого экономического, социокультурного пространства и обеспечение принципа неделимой безопасности.

Взгляд на деятельность РК в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС в преломлении к общеконтинентальному формату интеграции позволяет сделать также вывод о совпадении логики России и Казахстана по использованию потенциала уже существующих постсоветских региональных структур для совершенствования международных маршрутов.

В процессе конструирования Большой Евразии Казахстан выступает в качестве объединяющего государства, который, участвуя в основных евразийских интеграционных структурах (СНГ, ЕАЭС и ОДКБ), благодаря своей равноудаленности оперирует множеством дву- и многосторонних соглашений, проявляет практический деятельный интерес к международным инициативам и проектам. Такое позиционирование Казахстана определяет БЕП в качестве основополагающего ориентира многовекторной внешней политики Астаны. Тем самым замыслы формирования общеконтинентального евразийского пространства удачно вписываются в канву внешнеполитических приоритетов республики, центральное место в которых, как подтверждается в статье, занимает развитие эффективной интеграционной сети в Евразии.

Список литературы

1. *Болгова И. В., Никитина Ю. А.* Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом // Современная Европа. 2019. № 5 (90). С. 13–23. EDN: IFVBZZ. DOI: 10.15211/soveurope520191322.
2. *Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.* К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 1. С. 10–21. EDN: GXIUNF. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21.
3. *Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В.* Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 51–59. EDN: BNCVBD. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-51-60.
4. *Демина Ю. А.* Приток прямых иностранных инвестиций в ЕАЭС: проблемы и перспективы // Экономические исследования и разработки. 2024. № 10. С. 49–56. EDN: PVHWDH.
5. *Кефели И. Ф.* Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 65–76. EDN: PCXPUJ.
6. *Кулинцев Ю. В.* Большое евразийское партнерство в системе региональных интеграционных процессов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 66–79. EDN: CDRRQD. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10004.
7. *Лексин В. Н.* Проект «Большая Евразия» и проблемы устойчивости сложившегося миропорядка // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1. С. 196–200. EDN: VHWXPG.
8. *Новиков Д., Горенкин К.* Большая Евразия в условиях новой «холодной войны»: вызов или возможность? // Международные процессы. 2023. Т. 21, № 4 (75). С. 171–190. EDN: DXSEMD. DOI: 10.17994/IT.2023.21.4.75.5.
9. *Осадчая Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М. : Экон-Информ, 2021. 346 с. EDN: FJASSX. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021.
10. *Cooper A., Higgot R., Kim R.* Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver : UBC Press, 1993. 240 p. ISBN: 9780774853736. DOI: 10.59962/9780774853736.
11. *Cox R. W.* Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. 1989. Vol. 44, No. 4. P. 823–862. DOI: 10.2307/40202638.
12. *Higgot R. A.* Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agenda in the Post-Cold War Era // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / ed. by Andrew F. Cooper. London : Macmillan Press, 1997. P. 25–45. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1_2.
13. *Keohane R.* Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. Spring 1969. Vol. 23, No. 2. P. 291–310. DOI: 10.1017/S002081830003160X.

Об авторе:

Суточкин Руслан Сафаевич, соискатель, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД Российской Федерации (Москва, Россия), специальность «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»;
e-mail: ars.shamsh@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-8866-6076

References

1. Bolgova, I., Nikitina, Y. Eurasian Economic Union at a Crossroads Between Integration and Sovereignty // Contemporary Europe. 2019. No. 5 (90). P. 13–23 (In Russ.). EDN: IFVBZZ. DOI: 10.15211/soveurope520191322.
2. Glazyev, S. Yu., Kefeli, I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 1. P. 10–21 (In Russ.). EDN: GXIUNF. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21.
3. Davydova, Yu. A., Kargapolova, E. V. Cooperation between Russia and Kazakhstan as a Vector of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 2. P. 51–59 (In Russ.). EDN: BNCVBD. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-51-60.
4. Demina, Yu. A. Inflow of Foreign Direct Investment into the EAEU: Problems and Prospects // Economic Development Research Journal. 2024. No. 10. P. 49–56 (In Russ.). EDN: PVHWDH.
5. Kefeli, I. F. Geopolitical Aspects of the Initiatives and Projects Forming Greater Eurasian Partnership // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2019. No. 3. P. 65–76 (In Russ.). EDN: PCXPUJ.
6. Kulintsev, Yu. V. The Greater Eurasian Partnership in the System of Regional Integration Processes // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2020. No. 25. P. 66–79 (In Russ.). EDN: CDRRQD. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10004.
7. Leksin, V. N. The Greater Eurasia Project and Problems of Sustainability of the Established World Order // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2022. No. 5–1. P. 196–200 (In Russ.). EDN: VHWXPG.
8. Novikov, D., Gorenkin, K. Greater Eurasia in the New Cold War. Challenge or Opportunity? // International Trends. 2023. Vol. 21, No. 4 (75). P. 171–190 (In Russ.). EDN: DXSEMD. DOI: 10.17994/IT.2023.21.4.75.5.
9. Osadchaya, G. I. Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format. Moscow : Econ-Inform, 2021. 346 p (In Russ.). EDN: FJASSX. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021.
10. Cooper, A., Higgot, R., Kim, R. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver : UBC Press, 1993. 240 p. ISBN: 9780774853736. DOI: 10.59962/9780774853736.
11. Cox, R. W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. 1989. Vol. 44, No. 4. P. 823–862. DOI: 10.2307/40202638.
12. Higgot, R. A. Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agenda in the Post-Cold War Era // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / ed. by Andrew F. Cooper. London : Macmillan Press, 1997. P. 25–45. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1_2.
13. Keohane, R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. Spring 1969. Vol. 23, No. 2. P. 291–310. DOI: 10.1017/S002081830003160X.

About the author:

Ruslan S. Sutochkin, PhD Candidate, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Moscow, Russia), specialty "International relations, global and regional studies";
e-mail: ars.shamsh@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-8866-6076

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Суточкин Р. С., 2025